

сканское образование относилось к Италии приблизительно так же, как аттическое к Греции.

Флоренцию можно начиная с XIV столетия смело назвать душой Италии уже потому, что республика на Арно была более всего итальянским городом. Венеция, Генуя и Пиза, глубоко заинтересованные политическими и колониальными делами в Греции, обращали мало внимания на Италию; папство было в изгнании в Авиньоне и предоставило Рим его развалинам и мечтам о былом господстве над вселенной. Поэтому пульс национальной жизни Италии бился в эту эпоху по преимуществу во Флоренции. Здесь был первый центр современной европейской культуры; главные источники возрождения стекались в этой мастерской гуманизма, где вскоре приняли участие в работе и переселившиеся сюда греки. Грании, покинувшие после падения мира античной Греции род человеческий, ставший христианином и варваром, вновь появились на свет Божий прежде всего в веселом городе Флоренции; даже язык и красноречие итальянцев — как некогда у греков в Афинах — здесь достигли своей чарующей мелодичности. В флорентинско-тосканском духе было нечто общее с аттическим; в нем произошло первое интеллектуальное сочетание античного мира с христианством.

Когда Нерио Аччъяйоли сделался тираном афинским, Флоренция была уже залита светом раннего Возрождения. Арнольфо, Джиготто, Андреа Пизано и Орканья украсили этот город своими произведениями. Одного гения Данте, великого гражданина, который — подобно Аристиду в Афинах — испытал изгнание из родного города, было бы достаточно, чтобы обеспечить последнему вечную славу наравне с Афинами. Создатель «Божественной комедии» мог смело назвать себя вместе с великими умами эллинов, с Гомером, Орфеем, Сократом, Платоном, Диогеном и Фалесом, в царстве теней Лимба. После Данте явился Петрарка, величайший лирик Италии, блестящий, хотя и не оригинальный ум с поразительным интересом ко всем областям знания. А Боккаччо, друг великого сенешаля Аччъяйоли, в это время уже закончил